

в Минске 29.04.2016 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

35. Соглашение между Республикой Беларусь и Советом Европы относительно привилегий и иммунитетов членов группы экспертов по вопросам противодействия торговле людьми и других членов делегаций, осуществляющих визиты в страны [Электронный ресурс] : [заключено в Страсбурге 26.11.2013 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

36. Соглашение о правовом статусе должностных лиц и сотрудников органов Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] : [заключено в Москве 25.04.2003 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

37. Стандарты и практика в области прав человека для работников полиции [Электронный ресурс] // Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека. – 2003. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.by/view/1130000015500385>. – Дата доступа: 04.03.2020.

38. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

39. Федюнин, А.Е. Уважение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств / А.Е. Федюнин // Правовая культура. – 2008. – № 1. – С. 144–155.

40. Шатохин, И.Д. Проблема реализации принципа уважения и соблюдения прав человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности полиции / И.Д. Шатохин // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы одиннадцатой Междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул. – 2013. – Ч. 1. – С. 69–71.

УДК 342.721

Р.А. Серeda, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь

ТАЙНА ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ: ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ключевые слова: личная жизнь, тайна личной жизни, обыск, осмотр, неприкосновенность жилища, наложение ареста на имущество.

Вторая половина XX в. стала переломной в вопросе понимания и правового регулирования многих аспектов жизни общества. Появление

международных стандартов в области прав человека позволило впервые унифицировать подходы большинства государств по закреплению в национальных правовых системах целого ряда основополагающих прав и свобод. Особое место в этом перечне заняло право на неприкосновенность личной жизни, которое в настоящее время часто является индикатором развития правового государства, определяющим степень реализации принципов уважения и защиты прав человека.

Однако данное право не является абсолютным, поскольку относится к той категории прав, которые могут быть ограничены в случаях, предусмотренных ст. 23 Конституции Республики Беларусь. В частности, уполномоченные государственные органы и должностные лица имеют право принудительно получать, собирать, хранить и использовать любую информацию о частной жизни человека, если это соответствует указанным в Конституции Республики Беларусь целям. Кроме того, конституционным требованием является регламентация оснований и условий такого ограничения на уровне нормативных актов, имеющих силу закона.

При этом в условиях роста скоростей и объемов передаваемых данных любую информацию возможно практически мгновенно распространить неограниченному кругу лиц, в связи с чем все актуальнее становится проблема обеспечения конфиденциальности личной информации, в том числе и в деятельности государственных органов.

В настоящее время наиболее частые вторжения в рассматриваемое право происходят в ходе деятельности органов внутренних дел (ОВД). Являясь элементом системы правоохранительных органов, ОВД выполняют важнейшую задачу любого государства по противодействию преступности и иным противоправным деяниям. В этой связи сотрудники ОВД наделяются значительным объемом полномочий по ограничению конституционных прав человека, в том числе права на неприкосновенность личной жизни.

Так, оперативно-розыскная деятельность (ОРД) предусматривает целый комплекс мероприятий, целью которых является негласный сбор информации, составляющей тайну личной жизни человека (слуховой контроль, контроль в сетях электросвязи). В ходе привлечения лица к административной ответственности также используются процессуальные действия, вторгающиеся в рассматриваемое право (осмотр, освидетельствование). Не меньшую актуальность имеют и действия, применяемые в рамках уголовного процесса, поскольку ОВД, являясь органом дознания, уполномочены проводить такие неотложные следственные действия, как осмотр, обыск, освидетельствование и др.

При этом нельзя не отметить, что в рассматриваемой сфере деятельности ОВД присутствует сочетание как правоограничительного, так и правоохранительного аспектов. Последний выступает важнейшей функцией, выполняемой ОВД в современном обществе по защите прав, свобод и законных интересов граждан. В контексте права на тайну личной жизни указанное сочетание проявляется в значительной степени. Если ограничение личной свободы и неприкосновенности, свободы передвижения, свободы собраний и объединений имеет окончанный характер и не порождает каких-либо последующих обязательств, то в случае вторжения в тайну личной жизни, как правило, возникает соответствующая обязанность по обеспечению дальнейшей конфиденциальности полученной информации.

На реализацию этой обязанности направлен целый ряд правовых норм. Так, в ч. 1 ст. 198 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) от 16 июля 1999 г. № 295-3 содержится положение о том, что данные предварительного следствия или дознания не подлежат разглашению. При этом любой участник уголовного процесса может быть предупрежден об уголовной ответственности за умышленное разглашение данных дознания или предварительного следствия.

В рамках административного процесса ст. 10.8 Процессуально-исполнительного кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь (ПИКоАП) от 20 декабря 2006 г. № 194-3 указывает, что сведения, содержащиеся в деле об административном правонарушении, могут быть преданы гласности лишь с разрешения судьи, должностного лица органа, ведущего административный процесс, а в случае, если такие сведения затрагивают личную жизнь потерпевшего, с разрешения потерпевшего, и в том объеме, в каком он признает это возможным. Кроме того, в соответствии со ст. 10.28 ПИКоАП участники административного процесса также предупреждаются об ответственности за разглашение сведений, составляющих охраняемую законом тайну.

Оперативно-розыскная деятельность выделяется среди иных форм работы ОВД тем, что оперативно-розыскные мероприятия связаны, как правило, с негласным вторжением в тайну личной жизни человека. При этом Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» содержит целый ряд гарантий обеспечения рассматриваемого права. В частности, органам, осуществляющим ОРД, запрещается разглашать сведения, затрагивающие неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну граждан или иные их права, которые стали известны при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Указанной цели также служит

обязанность органов, осуществляющих ОРД, уничтожать материалы оперативно-розыскной деятельности, содержащие сведения, не связанные с противоправной деятельностью.

Однако, на наш взгляд, наиболее значительные ограничения рассматриваемого права происходят при проведении действий, связанных с вторжением в жилище. Вне всяких сомнений указанные права тесно связаны между собой. Как отмечает профессор О.Е. Кутафин, под личной жизнью понимается такая сфера жизнедеятельности человека, которая традиционно или сознательно скрывается им от посторонних лиц. При этом лицо, скрывающее какие-либо обстоятельства из этой сферы своей жизни, обоснованно ожидает, что государство не допустит незаконного вмешательства в нее ни со своей стороны, ни со стороны отдельных лиц [1, с.147]. Следуя известному изречению «Мой дом – моя крепость», жилище является центром сосредоточения подобных сфер жизнедеятельности, скрываемых лицом от других, начиная от домашней обстановки и заканчивая содержимым холодильника. Таким образом, переступая порог чужого жилища, лицо автоматически получает доступ и к информации, относящейся к личной жизни проживающих в нем. При этом Конституция Республики Беларусь также строго защищает неприкосновенность жилища, закрепляя запрет проникновения в него против воли проживающего лица при отсутствии законных оснований.

Все это предопределяет необходимость создания системы гарантий обеспечения прав человека при проведении любых действий, вторгающихся в рассматриваемые права.

Наиболее распространенным таким действием является осмотр, который выступает самостоятельным процессуальным действием в рамках уголовного и административного процессов (далее – осмотр), а также в ОРД, где существует аналогичное оперативно-розыскное мероприятие – оперативный осмотр. Кроме того, в рамках уголовного процесса к рассматриваемым действиям относятся обыск, выемка и наложение ареста на имущество. Для всех них характерна возможность принудительного вторжения в жилище и, соответственно, получения информации, составляющей тайну личной жизни.

Говоря о гарантиях обеспечения рассматриваемого права, прежде всего необходимо вести речь об установлении пределов доступа к сведениям, составляющим тайну личной жизни. Очевидно, что при проведении обыска таких пределов практически не существует, поскольку лицо, проводящее обыск имеет право обследовать все жилище, проникнуть в каждую его часть, в том числе с преодолением противодействия собственников либо проживающих в нем лиц. Таким образом, орган уголовного преследования имеет возможность получить максимальный

доступ к частной жизни человека, отражающей, порой, самые интимные ее стороны.

В случае проведения выемки предел вторжения в тайну личной жизни, связанной с жилищем, ограничен местонахождением предмета выемки. Согласно ст. 209 УПК основанием для проведения выемки являются достаточные данные о наличии определенных предметов, имеющих значение для уголовного дела, когда точно известно, где и у кого они находятся. В связи с этим полагаем, что обязательным требованием при вынесении постановления о производстве выемки должно быть указание предполагаемого места нахождения изымаемого предмета. При отсутствии предмета в данном месте не должны предприниматься попытки отыскать его в других возможных местах нахождения. Полагаем, это является существенной гарантией рассматриваемых пределов вторжения в частную жизнь и защитой от несанкционированного перерастания выемки в обыск. Как справедливо отмечают авторы Научно-практического комментария к УПК Республики Беларусь, в вышеописанной ситуации уполномоченное лицо вправе провести неотложный обыск с последующим уведомлением прокурора и при наличии соответствующих оснований [3, с. 595].

Более сложная, по нашему мнению, ситуация связана с пределами вторжения в личную жизнь при проведении осмотра либо наложении ареста на имущество в жилище. Дело в том, что регламентируя проведение осмотра законодатель четко не регламентирует права проводящего осмотр лица с точки зрения возможности углубленного и детального обследования жилища с целью обнаружения следов преступления, либо иных предметов, имеющих отношение к делу.

Сходная картина складывается и при наложении ареста на имущество, осуществляемого как в уголовном процессе, так и в административном. Отечественный законодатель не оговаривает допустимость действий, направленных на поиск имущества, находящегося в жилище и подлежащего аресту.

В условиях правовой неопределенности отдельные авторы предлагают расширительное толкование способов проведения осмотра. В частности Б.В. Асаёнок, рассматривая административно-процессуальный осмотр как комплексное действие, выделяет такие виды осмотров, как осмотр-«осмотр», осмотр-«обыск» и др. Характеризуя осмотр-«обыск» автор указывает, что при таком осмотре приоритетной является задача именно обнаружения укрываемого имущества, средств, орудий совершения и предметов административного правонарушения, скрывающихся правонарушителей, следов [5].

Другие авторы стоят на позиции более узкого ограничения прав лица, проводящего осмотр. Так, А.В. Лубенков и А.Ю. Свириденко отмечают, что принципиальное отличие обыска от осмотра – его контактный характер. В ходе обыска действия обыскивающего предполагают, например, поднимание, переворачивание, открывание, в том числе с повреждением различных запирающих устройств, нарушение конструктивной целостности объектов, а также полное или частичное обнажение лица и т. п. Осмотр предполагает лишь визуальный контакт с осматриваемым объектом, осматриваемой местностью, без физического контакта и отыскания (смотри, но не трогай) [2].

В свою очередь, А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский под осмотром понимают «непосредственное восприятие и процессуальную фиксацию участниками этого следственного действия внешних признаков объектов, к которым, как правило, имеется свободный доступ» [6, с.12]. Концепции свободного доступа придерживается и Р.И. Оконенко, который предлагает понимать свободный доступ не с материальной точки зрения, а с абстрактно-юридической, а именно с позиции возможной степени вторжения органов предварительного расследования в частную жизнь человека [4, с. 29].

Этого мнения придерживается В.С. Черкасов, который указывает, что при производстве осмотра следователь вправе собирать информацию об объектах, которые доступны его непосредственному восприятию, поскольку только такая деятельность не нарушает разумные ожидания граждан по поводу сохранности тайны их личной жизни [7].

Мы также согласны с высказанными позициями в части того, что как при следственном, так и при административно-процессуальном осмотре предел вторжения в личную жизнь человека ограничен информацией, получаемой в результате визуального восприятия. Все иные действия, связанные с получением дополнительного доступа к информации личного характера (проникновение в запертые помещения, открывание шкафов, ящиков стола и т. п.), должны производиться только с согласия лица, проживающего в данном жилище либо в рамках проведения обыска.

Аргументом в поддержку высказанной позиции может служить тот набор гарантий, который предусмотрен УПК для осмотра и для обыска. На наш взгляд, санкция либо последующее уведомление прокурора на проведение осмотра необходимо лишь в случае потребности проникновения в жилище против воли проживающего в нем лица, гарантируя законность такого проникновения. При согласии проживающего лица санкция не требуется. В свою очередь, при обыске санкция прокурора требуется в любом случае, независимо от согласия собственника на про-

никновение в жилище. На наш взгляд, такое требование обязательного санкционирования как раз и является гарантией законности не только проникновения в жилище, но и более значительного вторжения в тайну личной жизни проживающих в нем лиц.

Аналогичным примером может служить законодательство об оперативно-розыскной деятельности, нормы которого также предусматривают проведение оперативно-розыскных мероприятий, значительно вторгающихся в тайну личной жизни гражданина (слуховой контроль, контроль в сетях электросвязи, негласный оперативный осмотр с проникновением в жилище) с обязательным санкционированием прокурора.

Полагаем, что указанная необходимость обязательного санкционирования обыска прокурором направлена именно на гарантирование законности более значительного вторжения в тайну личной жизни, чем при осмотре, выемке либо наложении ареста на имущество. Исходя из этого считаем, что пределы вторжения в сферу личной жизни лицом, проводящим осмотр, выемку либо наложение ареста на имущество в жилище должны быть конкретно определены в законодательстве. В настоящее время в УПК и ПИКоАП таких четких границ нет, а равно отсутствуют запреты на чрезмерное вторжение в рассматриваемые права при проведении указанных действий, что может послужить поводом к необоснованно широкому толкованию правоприменителями объема своих полномочий.

Таким образом, действующее уголовно-процессуальное законодательство требует оптимизации в части совершенствования системы гарантий обеспечения конституционных прав и свобод человека. В частности, соответствующие статьи УПК и ПИКоАП необходимо дополнить частями следующего содержания «в ходе осмотра (наложения ареста на имущество) в жилище осуществляется восприятие и фиксация визуальной информации, не связанной с активным поиском. Любые действия с обстановкой и предметами, связанные с дополнительным вторжением в личную жизнь проживающих в жилище, осуществляется с их согласия». На наш взгляд, подобное дополнение позволит устранить имеющуюся правовую неопределенность и обеспечит более полное обеспечение общепризнанных прав человека в деятельности органов внутренних дел.

Список использованных источников

1. Кутафин, О.Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации / О.Е. Кутафин. – М. : Юрист, 2004. – 405 с.
2. Лубенков, А.В. Осмотр, досмотр и обыск, предусмотренные административным законодательством Республики Беларусь: теория и практика реализа-

ции / А.В. Лубенков, А.Ю. Свириденко // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. – 2012. – № 3. – С. 90–96.

3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь : [по состоянию на 31 марта 2014 г.] / Н.И. Андрейчик [и др.] ; под науч. ред. М.А. Шостака ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 1230 с.

4. Оконенко, Р.И. К вопросу о правомерности осмотра компьютера как следственного действия / Р.И. Оконенко // Адвокат. – 2015. – № 1. – С. 27–30.

5. Профессионально об актуальном: организационно-тактические особенности проведения осмотра в административном процессе [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2019/july/37145/>. – Дата доступа: 22.01.2020.

6. Смирнов, А.В. Следственные действия в российском уголовном процессе : учеб. пособие / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – Санкт-Петербург : СПбГИЭУ, 2004. – 73 с.

7. Черкасов, В.С. Проблема разграничения следственных действий: осмотр и обыск при получении компьютерной информации / В.С. Черкасов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 1. – С. 99–104.

УДК 343.826:342.72/73

Р.А. Середа, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь;

А.Н. Володащик, слушатель магистратуры отделения заочного обучения факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь

ПРАВО НА ТРУД И ЕГО ДОСТОЙНУЮ ОПЛАТУ КАК СРЕДСТВО РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: право на труд, право на оплату труда, осужденные, колония-поселение, ресоциализация.

Трудовая деятельность имеет определяющее значение для многих аспектов развития полноценной личности. Первоначально воспринимаемый как законный источник получения доходов и приобретения собственности, труд для многих является эффективным способом самореализации, позволяющим человеку найти свое место в обществе.